

ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ГЕРОЯ И ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА В РОМАНЕ Ю. В. БОНДАРЕВА «НЕПРОТИВЛЕНИЕ»

Л. С. Шкурат

MORAL CHOICE AND TRAGIC FATE OF THE PROTAGONIST IN YU. V. BONDAREV'S NOVEL "THE NON-RESISTANCE"

L. S. Shkurat

На материале романа Ю. В. Бондарева «Непротивление» в данной статье рассматривается проблема духовно-нравственного самоопределения личности. В ней акцентируется внимание на нравственном выборе героев и его трагических последствиях. Проясняется авторская позиция по проблеме необходимости в сопротивлении злу и неоправданности насилия, которая была разработана русской философской мыслью.

The paper is based on Yu. V. Bondarev's novel "The Non-Resistance" and deals with the issues of spiritual and moral identity. It focuses on moral choice of the characters and its tragic consequences. The paper clarifies the author's opinion on the ideas developed by the Russian philosophers – necessity to resist the evil and unjustified violence.

Ключевые слова: Ю. В. Бондарев, роман «Непротивление», война, нравственный выбор, трагическая судьба, гибель.

Keywords: Yu. V. Bondarev, novel "The Non-resistance", war, moral choice, tragic fate, death.

Роман «Непротивление», написанный Ю. В. Бондаревым в середине 90-х годов XX века, представляет собой новый этап авторского осмысления проблемы духовно-нравственного выбора человека в сложных жизненных обстоятельствах. Критика о «Непротивлении», впрочем, как и обо всем позднем творчестве Бондарева, весьма немногочисленна. В нескольких статьях-рецензиях на роман говорится о подробном исследовании в нем конфликта, возникшего в послевоенное время между бывшими фронтовиками и тыловиками, о пропасти, разделившей прошедших «горнило войны» солдат и тех, кто «не смотрел в лицо» фронтовой опасности. В. Юдин назвал подобное положение вещей «украденной победой». В частности, он отмечал: «Бондарев честно показал, что, увы, не каждый <...> сумел разобраться в обстановке, сделал верный шаг, иные сломались, <...> "лихо" подстроились под конъюнктуру смуты и безвременья <...>, и в результате добытая столь дорогой ценой победа в годы Великой Отечественной войны была утеряна» [17, с. 220]. Эту же мысль, безусловно, присутствующую в произведении, высказывает также Г. Ореханова в статье «Кто душу положил за други...». Г. Ореханова права в определении основной интонации романа Бондарева, свойственного ему надрыва, «постоянного ощущения в нем непроходящей боли», что позволило ей образно назвать «Непротивление» «рыдающим» романом, «романом-криком» [11, с. 7].

Хронологически роман «Непротивление» возвращает читателей во вторую половину 40-х годов XX века (именно в этот период разворачивается его действие), и обозначенный в критических статьях конфликт легко обнаруживается в произведении. Однако это только поверхностный слой его проблематики. При таком подходе к анализу романа, который нередко наблюдается в рецензиях на «Непротивление», становится естественным его соотнесение критикой с созданным писателем в 60-е годы романом «Тишина», поскольку пространственно-временные рамки обоих произведений (но не их проблематика) практически совпадают.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что роман «Непротивление» не является зеркальным отражением «Тишины». В канун своего 70-летнего юбилея в интервью «Советской России» на вопрос, чем объясняется выбор темы его нового романа, Бондарев ответил: «Собственно, это мучает меня всю жизнь. Я написал то, что не дописал в свое время в "Тишине"» [10, с. 4]. Что же «не дописал» автор в романе «Тишина»? Так, в силу объективных причин не нашла в нем детального рассмотрения проблема востребованности фронтовиков в мирной жизни, на которую в 90-е годы в «Непротивлении» писателю удалось взглянуть под новым углом зрения. Художественное исследование Бондаревым обозначенной проблемы перекликается с размышлениями на эту тему других писателей-фронтовиков. Например, в интервью журналу «Дружба народов» в том же 1995 году, в котором Бондарев завершал работу над своим романом, А. А. Ананьев сказал: «Помню первое и очень горькое впечатление, поразившее меня по возвращению с фронта. Я обнаружил, что мы никому не нужны. Все места были заняты тыловиками, подрастающими комсомольцами, партийными деятелями, а мы, фронтовики, оказались не у дел. И пришлось очень тяжело пробиваться через все препоны, чтобы получить возможность приложить с пользой свои силы...» [1, с. 15]. Тем не менее «Непротивление» нельзя в полной мере отнести к произведениям, в эпоху «свободы слова» «открывшим глаза» читателям на проблемы, которые существовали в советском обществе в середине XX века и замалчивались до недавнего времени.

Мы считаем, что «Непротивление» продолжает галерею философских романов Бондарева. Его сюжетные коллизии, хотя и связаны с эпохой 40-х годов XX века, имеют онтологическое значение и напрямую проецируются на сегодняшний день, что подтверждает несомненную актуальность и современность произведения. Об этом говорил сам автор: «Роман я свой до наших дней не доведу, но наши дни вы то и дело будете ощущать, особенно во второй части. Писать

роман сугубо исторический – смысла нет в немое наше время...» [17, с. 219].

Первоначально роман назывался «Победители». В статье В. Юдина содержатся рассуждения о том, почему автор изменил название произведения. Развивая свою концепцию, В. Юдин пишет: «Побежденные победители – уже не победители, у них украли победу. Такова нравственная позиция и социальное кредо писателя» [17, с. 228]. Но ответа на вопрос, почему Бондарев остановился именно на названии «Непротивление», В. Юдин не дает. На наш взгляд, изменение названия романа было принципиально важным для автора. Его герои, бывшие фронтовики, конечно, являются победителями в том смысле, что именно благодаря их мужеству и героизму на полях сражений Великой Отечественной войны была одержана победа над фашизмом. В то же время их трудно назвать победителями, так как в финале романа, уже в мирную эпоху, они трагически погибают, отказавшись от непротивления злу и начав борьбу с ним.

Окончательное название романа «Непротивление» символично и имеет философский подтекст. Бондарев отмечал: «Заглавие каждой книги – такой же для меня действующий персонаж, как и герои романов. Хотелось, чтобы заглавие держало на себе не вывеску, а смысловую ношу» [3, с. 538]. Проблема границ в сопротивлении злу силой неоднократно поднималась в русской религиозной философии, к примеру, в работах В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [13] и И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» [9]. И позиция В. С. Соловьева, и точка зрения И. А. Ильина по обозначенной проблеме близки по духу мысли московского первосвященника, митрополита Филарета (Дроздова), который так определял отношение к врагам: «Прощай личных врагов, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими» [12]. Положительные герои военной прозы Бондарева по сути исповедуют на фронте этот же принцип поведения. В романе «Непротивление» писатель исследует проблему сопротивления злу силой на новом материале, в новую социально-историческую эпоху, доказывая, что в ситуации, в которую поставлен главный герой произведения Александр Ушаков, применение силы было недопустимо и повлекло за собой цепь трагических событий.

Роман «Непротивление» насыщен воспоминаниями героев о минувшей войне. Лейтенант Александр Ушаков припоминает немало фронтовых эпизодов, когда смерть была совсем рядом, но он оставался жив: в Карпатах осколок пробил ему каблук и застрял в подошве, не задев ногу; на Днепре в полуметре от него не разорвался упавший снаряд; пуля чиркнула по виску, и не хватило доли миллиметра, чтобы смертельно ранить его. «Что это? Воля случая или закономерность? Меня не убило на войне. Кто-то охранял меня? Но кто “кто-то?”» [4, с. 198] – эти вопросы религиозного плана продолжают волновать Ушакова и после возвращения с фронта.

Одни персонажи называют его счастливецом: Ушаков, прошедший в полковой разведке «сквозь огонь и воды», несколько раз раненный, вернулся с войны живым, полным надежд на прекрасное будущее. Для других героев, «невоевавших девочек и

мальчиков», Александр – «закупоренный войной» [4, с. 112] человек, чужой им. В метафорической форме эта «закупоренность войной» поколения фронтовиков, имеющая в устах тыловиков резко негативные коннотации, представлена на рисунке студента-художника, на котором изображен сидящий на земле юноша, ноги которого «насквозь проросли изогнутыми мощными корнями из-под земли, корни, изуродовав икры, атлетическую грудь, плечи, голову, уходят вверх, опутав античный торс, как чудовищными щупальцами, удушая и вместе с тем держа юношу прикованным к земле. Рядом, у ног, лежали перевитый корнями автомат. Вокруг автомата рассыпаны стреляные гильзы, торчали впитавшиеся в землю головки снарядов, пробитая, проросшая корнями каска» [4, с. 278 – 279]. Для тыловиков война уже стала историей, о которой нет нужды вспоминать лишней раз. Фронтовиками, напротив, забвение военного прошлого воспринимается как предательство, которому нет оправдания. Автомат, стреляные гильзы, снаряды, прикованные корнями к телу солдата, – это не только конкретные приметы войны, но и олицетворение общей исторической памяти, накрепко связавшей тех, кто погиб, с теми, кто выжил на фронте.

Ушаков чувствует непреодолимую пропасть между собой и тыловиками. «Мы как будто из разных стран, как будто мы разной крови» [4, с. 103], – размышляет герой. Как видим, противопоставление, и даже противостояние фронтовиков и тыловиков, явно присутствует в романе, и, естественно, оно не могло не быть отмечено критикой. Однако повторимся, что проблематика произведения не сводима только к обозначенному выше конфликту.

Не однажды на фронте Александр представлял свое возвращение домой, в «незабвенную пору» детства и юности, которая «четыре года <...> сладко манила его счастливым повторением, возможным после войны» [4, с. 160]. Вернувшись в Москву, он как будто бы попадает в другой мир, вдруг ставший «жестким, отталкивающим, неузнаваемым» [4, с. 160]. Но изменился не мир, а взгляд на него героя, повзрослевшего и приобретшего на войне бесценный жизненный опыт. Не случайно Ушаков чувствует себя великаном в почем-то ставших крошечными комнатах своей квартиры, которую он «узнавал и не узнавал» [4, с. 43]. Там, в далеком детстве, которое сам герой называет «наивным», остались его страстное мальчишеское увлечение голубями и чувство первой влюбленности в одноклассницу Веронику. Произошедшая с Ушаковым перемена внешне выглядит как невосполнимая утрата, как «что-то непоправимое», неожиданно случившееся с ним, к чему трудно привыкнуть. На самом деле это закономерный этап жизни героя, его переход во взрослую жизнь, который начался на фронте и должен найти свое логическое продолжение в мирное время. Таким образом, именно процесс духовно-нравственного самоопределения героя интересует Бондарева и оказывается в центре его художественного исследования в романе «Непротивление».

Основные чувства, сопровождающие Ушакова на протяжении всего повествования, – это одиночество и тоска. Александр пытается найти «точку опоры», восстановить утраченную в мирное время целостность духа. Герой неоднократно задается вопросом: «Где же

наше фронтовое братство?» [4, с. 74] – тщательно стремясь отыскать его в послевоенной Москве. Вскоре в столичной забегаловке он знакомится с людьми, считающими себя «солдатским товариществом». В действительности их братство искаженное, поскольку героев объединяют не высокие цели, а несправедливые поступки. Жители Замоскворечья испытывают страх перед ними и открыто называют их «бандой». Членами этого, по мнению одних, «солдатского товарищества», а по определению большинства, «банды» являются бывшие фронтовики: артиллерист Аркадий Кирюшкин, прошедший дорогами войны от Сталинграда до Зееловских высот, минометчик Твердохлебов, танкист Билибин, пехотинец Логачев, санитар полевого госпиталя Эльдар. Каждый из них героически проявил себя на войне, подтверждением чему служат их боевые награды. Многие из персонажей получили на фронте серьезные ранения и контузии, и все они, столкнувшись в мирное время с несправедливостью окружающих, вступили в открытое противостояние с тыловиками, воспринимая их как виновников всех несчастий.

Бандиты приглашают Ушакова в место, которое они считают Святой Святых, – в голубятню, называемую ими храмом. Сравнение, или, правильнее сказать, замещение в словах этих персонажей голубятни храмом возникает не случайно. При соотношении пространства православного храма с романным пространством голубятни обнаруживаются черты, сближающие их. Но их корреляция «перевернутая», напоминающая отражение предмета в кривом зеркале, которое искажает его истинный образ. (Мы наблюдаем такое же «перевернутое» сходство фронтового братства с бандой).

Голубятня, в представлении банды Кирюшкина, – это сакральное место, где «молиться надо, а не щериться» [4, с. 29]. Но, в отличие от православного храма, дома Господня, врата которого открыты для представителей различных религиозных конфессий, голубятня – это «закрытое пространство», отделяющее «свое» от «чужого». Ее дверь заперта от посторонних на стальные засовы, а сверху над ней висит железный ломик как смертельное предостережение для непрошенных гостей. Голубятня состоит из двух этажей: на ее верхнем этаже находятся голуби, и в подобной планировке помещения также обнаруживается не только практическая целесообразность, но и некий символический смысл. Уместно заметить, что голубь в Православии является воплощением Святого Духа и традиционно изображается в куполе храма. Члены банды Кирюшкина поклоняются, как святыне, реальным голубям, которых называют тоже показательно – «голубиное царство». В Православии главные дефиниции слова «Царство» – «Божие» и «Небесное». Таким образом, в определении «голубиное царство» наблюдается существенный семантический сдвиг, противоречащий христианским установкам.

На этом параллели, подтверждающие мысль о «перевернутости» друг другу двух топов не заканчиваются. Как известно, главным местом православного храма является алтарь, в центре которого расположен Святой Престол, где совершается во время Литургии Таинство Евхаристии. В центре голубятни тоже находится стол, вокруг которого собираются

герои. Характерна, и даже по-своему символична деталь, возникшая в описании пространства голубятни, – «на столе была навалена грудой красная смородина», на которой «искорками блестили капли сока» [4, с. 37]. Капли сока красной смородины вызывают у Ушакова прямые ассоциации с каплями крови. Далее в повествовании слово «кровь» уже не в образном, метафорическом, а в прямом, буквальном смысле не один раз будет сопровождать поступки героев.

Необходимо, на наш взгляд, сделать еще одно принципиально важное замечание. В. И. Даль напрямую связывает семантику слова «смородина» с лексемой «смород» и отмечает, в первую очередь, следующее ее значение: «сильная духота, вонючий, удушливый запах, гарь, угар, чад, смердячий дух, особенно пригорелый», приводя в качестве синонимов слова: «смородить, смрадить, смердеть, вонять, издавать смород» [7, с. 237]. По мнению лексикографа Макса Фасмера, лексема «смородина» этимологически также восходит к слову «смород», что означает «вонь, смрад» [14, с. 691]. Кроме того, в этой связи нелишне вспомнить топоним «река Смородина», который в русской народной традиции, в частности, в фольклоре, был местом необычным, знаковым, где находились инфернальные силы, которые угрожали Святой Руси и с которыми сражались былинные богатыри и сказочные герои. Как видим, в образах Тела и Крови Христовых, которых причащаются христиане на Литургии, становясь, тем самым, сопричастниками Источника Вечного, частью мистического Тела Христова, и «смердящей» ягоды на столе в голубятне присутствует явная искажающая подмена одного предмета другим.

В данном контексте вполне бытовой эпизод – забава с собакой, которая по приказу хозяина танцует на задних лапах или изображает пьяного, также приобретает дополнительный смысл. Образ пса, выделяющего в голубятне всевозможные трюки, по нашему мнению, может быть истолкован как травестийно-сниженное представление о «нечистом», что, к примеру, наблюдается в «Фаусте» Гете, где Мефистофель предстает вначале в образе черного пуделя. В поэме А. Блока «Двенадцать» близкий названному инфернальный мотив объединяет образы пурги и бредущего пса. В этом же ключе И. А. Есаулов рассматривает рассказ странницы Феклуши из драмы А. Н. Островского «Гроза» о «неверной земле», где «все люди с песьими головами» [8, с. 192] и т. п.

Соотнесение пространств православного храма и голубятни в романе «Непротивление» может быть продолжено, но уже сделанные нами наблюдения доказывают мысль о деформации, а в некоторых случаях – о полном замещении в сознании героев, членов банды Кирюшкина, истинных ценностей ложными.

Как и в предыдущих философских романах, Бондарев обозначает в «Непротивлении» не начало и финал нравственного поиска Ушакова, а последовательно изображает основные вехи духовного пути героя. Автора интересуют не только внешние события и обстоятельства, подтолкнувшие героя к его жизненному выбору, но и его душевные колебания, сомнения в верности избранного пути. Интуитивно Александр Ушаков чувствует чуждость себе людей, встреченных в голубятне, где он занимает пока еще отстраненную

позицию наблюдателя, дистанцируясь от всего, происходящего там. При знакомстве с бандой он думает: «Я их понимаю и не понимаю. Но они – не мои ребята» [4, с. 15]. Затем герой еще больше укрепляется в правоте собственных мыслей, но именно «эта компания незнакомых парней, голубятников, дерзкий Кирюшкин с манерами щедрого завсегдатая и благодетеля забегаловки, вырывали его из одиночества последних дней, как не забытое солдатское товарищество» [4, с. 19].

Ушаков уходит из голубятни, окончательно не определившись, как жить дальше: «Порой он чувствовал бессмысленность и ненужность всех этих рынков, толкучек, забегаловок, голубятен, и вместе с тем их соблазнительно притягивающую силу, без чего не мог побороть одиночество, безмерность свободных дней после возвращения, которые нужно было чем-то заполнить. Были часы, когда унылая и безотвязная тоска не отпускала Александра («Что дальше делать, как жить?»), и тогда его охватывала вязкая пустота» [4, с. 126].

Александра тревожит состояние больной матери, да и собственное будущее представляется ему туманным. К этому добавились материальные трудности: деньги, которые Ушаков получил по демобилизации, закончились, а средств за проданные на рынке трофейные зажигалку и немецкий нож не может хватить надолго. Героя мучает безденежье особенно потому, что он ощущает свою вину перед матерью, ведь он остался ее единственной опорой и защитой после смерти отца. Не случайно, что последний фронтовой трофей, который остался у Александра и который ему до сих пор не удавалось продать, – это офицерский компас, не единожды спасавший ему и его фронтовым товарищам жизнь в разведке «в беспроглядную метель, снегопад, дождливую осеннюю темень» [4, с. 127]. Всякий раз, когда на рынке компас рассматривали потенциальные покупатели, «вертели в грязных пальцах <...>, глазели пустыми глазами карманщиков на стрелки, на небо, определяя, вероятно, где находится этот север, Александр бесцеремонно вырывал компас из рук, ругаясь сквозь зубы: “Проваливай, хватить”» [4, с. 45]. Нет сомнений, что компас, о котором не раз упоминается на страницах романа, символизирует присутствующее у героя стремление найти в мирное время правильный жизненный путь.

На улицах Москвы Александр сталкивается с подлостью и жестокостью людей. К примеру, герой становится случайным свидетелем того, как подростки устраивают страшную «игру» – через окно стреляют из винтовки. Их развлечение заканчивается трагедией – ранением семилетней девочки. Ушаков не может пройти мимо этого преступления. Он обезоруживает подростков, с трудом сдерживая себя, чтобы не учинить расправу над ними. Угрожая «интеллигентской шпане», он говорит о существовании главного закона в мире – «кровь за кровь», так перифразируя ветхозаветный принцип «Око за око», но затем, «точно очнувшись» (и это авторское замечание весьма существенно), уходит, пожалев их. Однозначная реакция Ушакова на совершенное подростками преступление и вместе с тем жалость к ним, обезоруженным, плачущим, говорят о сохранившихся в душе

героя нравственных законов, через которые он пока еще не решается переступить.

Чувство одиночества, «вязкая пустота», с одной стороны, и жестокие поступки окружающих – с другой, толкают Ушакова в мнимое фронтовое братство, в банду Кирюшкина. После поджога голубятни другой бандой, после этого, по словам героев, святотатства, они берут на себя роль Судьи, считая, что им «Господь знамение подал, достойно судить нечестивцев» [4, с. 223]. Заметим, что фронтовики в изображении Бондарева – это не безликая толпа, олицетворяющая зло. Автор тщательно прорисовывает образ каждого, даже эпизодического, персонажа, наделяя его индивидуальными чертами и своей жизненной историей. У каждого героя есть свое мнение о способах противостояния злу. Так, Логачев и Твердохлебов считают, что люди, участвовавшие в поджоге голубятни, достойны самой суровой кары, и называют их фашистами, которые сожгли не голубей, а беззащитных детей, «ангелов». Танкист Билибин уверен, что «все совершается под знаком Божиим» [4, с. 139], даже то, что во время войны он горел в танке, но остался жив («Бог спас» [4, с. 140]). Этому герою ближе не ветхозаветный закон «Око за око», а слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» [Мф. 7 : 2]. Бывший санитар полевого госпиталя Эльдар, философ-самоучка, отчисленный из Московского университета за религиозную пропаганду, тоже «против всякой крови» [4, с. 141]. Но после поджога голубятни герои оказываются единодушны в своем решении мстить и отвечают злом на зло.

Если Игорь Дроздов, герой романа «Искушение», написанного Бондаревым несколькими годами ранее, в финале произведения оказывается на пороге нравственного выбора, не определившись окончательно с возможными способами противостояния злу, то Александр Ушаков после некоторых колебаний делает свой выбор и, отказавшись от непротивления, становится на путь сопротивления злу силой. Примечательно, что после принятия этого решения у героя впервые появляется «мстительная злоба» во взгляде и даже некая одержимость: «Он не мог остановить себя, ненависть сжигала его до черноты в глазах, душно перехватывало дыхание, и он не узнавал свой голос, хриплый, высокий, какой бывал у него, когда терял самообладание в приступах ненависти» [4, с. 345]. Кошмары, которые снятся Ушакову и в которых «смешалось все»: военные эпизоды и мирное время, лица фашистов и бандитов, – свидетельствуют о хаосе, поселившемся в его душе и мыслях, а гибель всех персонажей в снах Александра становится своеобразным предвосхищением реальной трагедии, произошедшей с героями в финале романа.

Невозможно согласиться с мнением некоторых критиков, склонных объяснять причины случившейся с героем трагедии, ссылаясь на внешние факторы и обстоятельства. Например, Н. М. Федь связывает появление романа «Непротивление» с антисталинской кампанией и анализирует произведение в этом ключе. В его работе мы находим, в частности, такую мысль: «Закончилась война, фашистская Германия пала, и перед победителями вдруг оказались перекрыты все светлые пути-дороги жизни. Но кто был во главе го-

сударства? Сталин. <...> Стало быть, лично он, Сталин, виновен в том, что герои войны были вынуждены разбойничать, а не восстанавливать порушенную жизнь, учиться, вливаться в трудовой ритм страны и прочее» [15, с. 565]. Полемизируя с Н. М. Федем, Т. М. Вахитова пишет: «Думается, что дело вовсе не в Сталине, а в катастрофической роли войны в личной жизни каждого воина» [6, с. 7]. По мнению Т. М. Вахитовой, в трагедии Ушакова «виновата война»: «Бывшие солдаты разучились жить нормальной, естественной жизнью, в них бушевали военные страсти, воплощавшиеся порой в каких-то странных полубандитских группах. <...> Она (война. – Л. Ш.) как оборотень поманила Ушакова, лихого разведчика, в страшную игру в справедливость, а потом оставила наедине с уголовниками, и он бросился на врага» [6, с. 7]. Как нам представляется, трагедию Александра Ушакова предопределили не фронтовые события и уж никак не «бездеятельность» Сталина, о личности которого ни разу не упоминается в романе, а индивидуальный жизненный выбор героя, сделанный им в послевоенное время.

Раненный в перестрелке, Александр вынужден скрываться от милиции. С этого момента начинаются его блуждания: и в прямом смысле этого слова – скитания по Москве, Ленинграду и в переносном – нравственные блуждания, и нигде он не находит приюта и душевного успокоения. Герой не решает вернуться домой, так как боится потревожить мать и чувствует безмерную вину перед ней. Светлые воспоминания о матери сменяются еще большим мраком и запутанностью в его мыслях. Ушаков размышляет: «Да что это со мной? От кого я скрываюсь? От уголовного Лесика и его банды? От милиции, которая разыскивает убийцу? Плыву, как в сне сумасшедшего, что-то делаю, двигаюсь, что-то говорю... А есть только одно: вина перед матерью. <...> И безумная тоска <...> Стало быть, я теряю разум. Стало быть, случилось дикое безумие» [4, с. 283]. Александра охватывает чувство трагической безысходности, которое влечет за собой потерю смысла его дальнейшего существования.

К финалу романа усиливаются мотивы Голгофы, распятия, становятся устойчивыми мотивы Апокалипсиса. Предчувствуя, что с матерью случилось несчастье, Ушаков мстит ее обидчикам и сам погибает от полученной в драке раны. Причину подобного жизненного итога очень метко определил один из персонажей произведения, сказав: «Ежели после войны гвоздануло, Бог наказал» [4, с. 265]. Трагически заканчивается жизнь не только Ушакова, но и других героев: зверски убит Эльдар, арестован Кирышкин и неизвестно, как сложатся судьбы остальных членов банды, но перспективы безрадужны. В предсмертном бреду Александр Ушаков видит страшную картину мирового Апокалипсиса – люди в ужасе бегут под проливным кровавым дождем в поисках спасения.

Финал «Непротивления» корреспондирует с его началом. Роман открывается сценой на рынке. Рынок, в изображении Бондарева, – это некое карнавальное пространство (по своим основным признакам оно соотносимо с карнавалом в понимании М. М. Бахтина [2]). В поэтике бондаревского романа особо подчеркнута амбивалентность этого пространства, в котором звуки гармонии и аккордеонов смешиваются с криком

фронтовика-инвалида, истязавшего себя на глазах толпы; в котором соседствуют смех и грубая ругань, взаимоперетекающие друг в друга. Ушакову не без труда, но все-таки удастся «вырваться» из этого «сумасшедшего круговорота» рыночной толкучки. В «круговороте» мирной жизни утрата верного направления движения приводит его к трагедии. Следует обратить также внимание на существенную деталь, возникшую в начале повествования: «тротуар и мостовая (рыночной площади. – Л. Ш.) были <...> залепаны мякотью арбузов, размазанной раздавленных помидоров» [4, с. 7]. В этом описании, как и в соседствующей с ним метафоре «месиво людей», на имплицитном уровне присутствует красный цвет как символ крови, который в финале романа эксплицируется в образ «кровавого дождя», увиденного героем перед смертью.

В критических статьях мы находим разные, порой прямо противоположные толкования финала романа «Непротивление». Так, в статье Г. Орехановой есть мысль о том, что «невзирая на страшный конец прекрасного героя, роман утверждает веру в достоинство человека, в способность его и умение любить и дружить» [11, с. 7]. Вряд ли подобная трактовка отличается точностью понимания, поскольку приведенные выше размышления Г. Орехановой мало соотносятся с логикой развития событий и характера главного героя.

Вполне справедливо, на наш взгляд, Т. М. Вахитова указывает на «библейские истоки финала романа», что свидетельствует, по ее словам, «о каком-то подспудном, неявном процессе уже не социального или нравственного, а духовного самоопределения писателя» [6, с. 7]. Мы считаем, что «процесс духовного самоопределения» Бондарева начался задолго до написания романа «Непротивление». Начиная с ранней военной прозы, в которой явно ощутима опора писателя на православную духовную традицию, Бондарев постепенно восходил к христианской точке зрения на проблему воинского и человеческого долга. Во всей полноте авторская духовно-нравственная позиция представлена в его вершинном творении – романе «Берег», созданном в 70-е годы XX века (подробно об этом см.: [16]).

Т. М. Вахитова интерпретирует «видение кровавого дождя, символизирующего <...> ту Высшую кровь, которую пролил Господь на кресте» как «последнее прощение» герою, «искупление за его грехи» [6, с. 7]. Но, согласно православной традиции, прощению должно предшествовать искреннее покаяние человека в своих грехах, дающее надежду на итоговое воскресение души; прощение предполагает непременно духовное просветление человека, у Ушакова, напротив, возникает ощущение, что «он летит в черный провал» [4, с. 335], и герой умирает, так и не придя в сознание. Впрочем, сама Т. М. Вахитова не настаивает на однозначности толкования символики финала «Непротивления». Она замечает, что в этом видении героя можно угадать и скрытые аллюзии на наказание в духе египетских казней в Библии: «И поднял Аарон жезл свой и ударил по воде речной пред глазами фараона и пред глазами рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь, и рыба в реке вымерла, и река воссмердела, и Египтяне не смогли пить

воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской» [Исход. 7 : 20 – 21].

По нашему мнению, наиболее близким к пониманию авторской позиции оказался А. Василенко, который писал, что кровавый дождь символизирует одну из вечных Истин: «одним злом зло не победишь, а лишь будешь способствовать его росту. Со злом могут успешно бороться не те, кто загнан ложным выбором в угол, а те, кто сам определяет стратегию жизни, основываясь на полноте Добра» [5, с. 233].

Таким образом, в романе «Непротивление» Бондарев изображает героя на трагическом изломе времени. Автор убедительно показывает, что последова-

тельное вытеснение в мыслях и поступках персонажей евангельской заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя» [Мф. 22 : 39] ветхозаветным законом «Око за око, зуб за зуб» [Исход. 21 : 24] ведет их к неизбежной катастрофе и гибели. Изображенная Бондаревым финальная картина «Непротивления» оказывается не так далека от действительности. Она становится мостиком к одним из самых трагических произведений писателя, роману «Бермудский треугольник» и пьесе «Переворот (93-й год)», повествующим о событиях современной российской истории – расстреле Дома Советов в Москве в октябре 1993 года.

Литература

1. Ананьев А. А. Останемся слабыми – покоя не будет // Дружба народов. 1995. № 3.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
3. Бондарев Ю. В. Мгновения. М.: ИТРК, 2009. 720 с.
4. Бондарев Ю. В. Непротивление: роман; Горячий снег: роман. Курган: Зауралье, 1996. 736 с.
5. Василенко А. Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева? // Молодая гвардия. 1995. № 10.
6. Вахитова Т. М. Поиск земли обетованной: о творчестве Юрия Бондарева // Литература в школе. 2005. № 6.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Русский язык, 1980.
8. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2013. 448 с.
9. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10-ти т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. 555 с.
10. Ореханова Г. Кровавый снег памяти // Сов. Россия. 1994. 15 марта.
11. Ореханова Г. Кто душу положил за други... (О новом романе Юрия Бондарева «Непротивление») // Сов. Россия. 1996. 1 февр.
12. Слово святителя Филарета Московского в неделю 18-ю по Пятидесятнице. 21.10.2011. Режим доступа: <http://www.n-jerusalem.ru/slovo/sv/text/183842.html> (дата обращения: 25.02.2015).
13. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 824 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 795 с.
15. Федь Н. М. Литература мятежного века: диалектика российской словесности, 1918 – 2002 гг. М.: Голос-Пресс, 2003. 672 с.
16. Шкурат Л. С. Нравственные искания героев романа Ю. В. Бондарева «Берег» в контексте «военной» прозы писателя. Липецк: ЛГПУ, 2007. 210 с.
17. Юдин В. Украденная победа: о произведениях Ю. Бондарева // Молодая гвардия. 1997. № 2.

Информация об авторе:

Шкурат Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Липецкого государственного педагогического университета, sh.lilia.s@yandex.ru.

Lilia S. Shkurat – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Lipetsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2015 г.